

Янь Дань ворочался на жёсткой деревянной койке, в голове крутился только один план — как повернуть следующий «интимный контакт».

Как подобраться к своему кумиру А Чжэну естественнее, незаметнее для старого зануды Цзюй у?

Притвориться больным и напроситься на уход?

Сослаться на желание задать вопрос?

Или...

— БУ-БАХ!!!

Удар грома грянул совершенно внезапно, будто расколол небо прямо над крышей, так что убогая лачуга, казалось, содрогнулась.

Янь Дань от неожиданности подскочил, чуть не взлетев с кровати.

А следом, словно прорвав плотину, нахлынули давно забытые воспоминания.

Не воспоминания Цзи Даня, а его собственные — память о детдоме двадцать первого века.

Летние грозовые ночи всегда были сущим наказанием для директрисы и нянечек.

Едва начинало греметь, малыши — а их было немало — раздражались отчаянным рёвом, забиваясь под одеяла, трясаясь и выкрикивая, что хотят к маме, хотят, чтоб их обняли.

Нянечки едва успевали успокоить одного, как следующий раскат заставлял заходиться плачем другого. Все были на взводе, вымотаны до предела.

Вся обитель тогда гудела от смеси плача и грома; её наполняли беспомощность и паника.

Кажется, Янь Дань и сам был когда-то одним из них?

Повзрослев, он научился притворяться маленьким взрослым, помогая утешать тех, кто младше, — но затаённый страх перед раскатами, наверное, никогда не исчезал до конца.

Гром начал стихать, за окном лило ещё сильнее.

Сердце Янь Даня странно дрогнуло.

Что сейчас делает Ин Чжэн?

Этот семилетний мальчик — совсем один в такой же убогой и холодной комнате по соседству?

Боится ли он... тоже боится грома?

Как только эта мысль родилась, она принялась опутывать сердце, точно ползучий стебель, сжимая его так, что стало трудно дышать.

В хрониках не написано, боялся ли император Цинь Шихуан грома.

Но семилетний ребёнок, в одиночку встречающий такую бурю, с её ветром, молниями и раскатами...

Янь Дань даже представить себе эту картину боялся.

Лежать больше было не вмоготу.

Он хотел вскочить, как рыба, — не вышло, потянул больное место, скривился от боли.

Но всё же, терпя боль, поднялся, на ощупь добрался до двери, снял висевший там плащ из грубой соломы, пропахший застарелым дождём и плесенью, кое-как накинул его.

Сделал глубокий вдох, тихонько приоткрыл дверь, пригнулся и крадучись выскользнул наружу — напрямик к лачуге Ин Чжэна.

Капли хлестали по плащу, холодный ветер с дождём задувал за шиворот.

Янь Дань втянул голову в плечи, в несколько шагов добежал до соседней двери.

Внутри было черным-черно, ни огонька, ни звука.

Янь Дань постоял на пороге и вдруг, вспомнив кое-что, машинально начал перебирать память Цзи Даня.

Да... У Ин Чжэна дела обстоят ещё хуже, чем у наследного принца Янь.

Вражда Цинь и Чжао длилась поколениями. Когда Ин Ижэнь и Люй Бувэй унесли ноги, слуги, что остались, либо были казнены под благовидным предлогом, либо сами разбежались, почуяв неладное.

Рядом с Ин Чжэном и его матерью Чжао Цзи давно уже не осталось никого надёжного.

Но... Чжао Цзи?

Разве в такую грозовую ночь она не должна быть рядом с сыном?

Обрывки памяти давали ответ: Чжао Цзи... скорее всего, снова «пригласили» на пир какой-нибудь чжаоские аристократы.

Называлось это «угощение», а на деле — лишь способ заставить эту женщину, некогда сноху циньского вана, а ныне жалкую заложницу, добавить их застолью особой «пикантности»: плясать для услады гостей или даже... терпеть куда более унижительные выходки.

Сердце Янь Даня ухнуло вниз, в груди поднялись горькая обида и гнев.

Его Чжэн Гэ — в такую ночь, когда до него никому нет дела, когда даже на мать нельзя положиться, — должен встречать это в одиночку?

Он больше не колебался. Поднял руку и тихонько постучал в хлипкую деревянную дверь.

— Тук-тук-тук.

Звук был очень тихий, но в шуме дождя его было слышно отчётливо.

Внутри на мгновение затихли, а затем раздался детский голос — сдерживаемый, напряжённый, настороженный:

— ...Кто там?

Это был голос Ин Чжэна.

Янь Дань шмыгнул носом, стараясь, чтобы голос звучал жалобно и испуганно, с дрожью от промокшего плаща:

— А Чжэн... это я, Дань...

Внутри снова помолчали, потом спросили:

— ...Зачем?

Настороженность в голосе не убавилась.

И тут —

— БУ-БАХ!!!

Очередная молния распоролла небо, и раскат прогремел прямо над ухом — оглушительно!

Янь Дань вовремя вскрикнул — не совсем притворно, его и впрямь пробрало до дрожи. Страх в голосе мгновенно взлетел до предела, он почти всхлипывал:

— Т-такой гром... А Чжэн... я боюсь... мне так страшно одному... пусти меня, а? Только на чуточку... умоляю...

Актерство было высший класс — он сыграл старшего брата, до смерти перепуганного громом и ищущего защиты, просто блестяще.

А сколько в этом было настоящего страха, а сколько — просто повод... знало только небо.

За дверью наступила долгая тишина.

Такая долгая, что Янь Дань уже решил, что Ин Чжэн не ответит, и приготовился пустить в ход новые приёмы усиления жалости, —

Щёлкнуло.

Засов внутри тихо отошёл.

Дверь приоткрылась.

На пороге стояла маленькая фигурка Ин Чжэна. В комнате было слишком темно, чтобы разглядеть выражение его лица.

Сердце Янь Даня ликовало. Улучив момент, не дожидаясь, пока Ин Чжэн отойдёт, он вскрикнул «Ой!», будто ноги подкосились от страха, и рухнул внутрь, с точностью врезавшись в стоящего у дверей мальчика и обхватив его!

Малыш был в одной тонкой, вылинявшей от стирок сорочке, тело прохладное, пахло чисто, мылом.

Значит, Чжао Цзи, насколько могла, всё-таки заботилась об Ин Чжэне.

Янь Дань стиснул его крепче, прижимаясь мокрым, холодным плащом, всем телом мелко и умело дрожа, уткнувшись лицом в костлявое плечо Ин Чжэна и всхлипывая:

— До смерти перепугался... так страшно...

Ин Чжэн от этого внезапного «падения в объятия» попятился на шаг, всё его маленькое тело окончательно одеревенело. Руки беспомощно висели по бокам — он словно не знал, как реагировать на повисшего на нём дрожащего «старшего брата».

Он чувствовал ледяной плащ Янь Даня, влажные волосы, чувствовал эту, казалось бы, сильную дрожь...

Спустя несколько секунд маленькая рука несмело, очень-очень легко похлопала Янь Даня по спине.

Движение было скованным, даже каким-то неуклюжим от растерянности.

— ...Не бойся, — сказал он очень тихо, едва слышно, почти заглушаемый шумом дождя.

Дзынь. Зафиксировано: Хозяин инициировал тесные объятия с Ядром источника энергии (Ин Чжэн). В особых условиях (грозовая ночь) Хозяин предоставляет или получает эмоциональную поддержку. Ядро источника проявило слабую потребность защищать и чувство ответственности. Обмен энергией улучшен. Начислены Очки: +12! Текущие Очки: 42!

Янь Дань, уткнувшись лицом в худое плечо Ин Чжэна и слушая писк Системы, чувствуя, как мальчишка в его руках напряжён, но не отталкивает его, просто ликовал в душе.

Не зря, не зря! Эта вылазка окупилась!

Ну а кто кого боится? Кто кого защищает?

М-да... Этот вопрос совсем не важен.

<http://bllate.org/book/18665/1800132>